

Андрей Белый

КРЕЩЁНЫЙ КИТАЕЦ

RUGRAM

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Б43

Белый, А.

Б43 Крещёный китаец / А. Белый. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM. — 200 с. — (RUGRAM-КЛАССИКА).

ISBN 978-5-519-72681-8

В нашем новом проекте вы найдете как книги из «золотого фонда» классической русской литературы, так и редкие, почти забытые, произведения авторов, оставшихся в тени своих великих современников. Эти книги не утратили самобытной актуальности, сегодня, как и сто лет назад, они определяют пути русской культуры, ищут ответы на «проклятые вопросы».

Без этих книг невозможно понять кто мы, кем мы были, куда движемся. Мы отобрали для вас самые важные тексты русских классиков, представили их в наиболее полных редакциях, без каких либо сокращений и цензурных изъятий, и составили серию RUGRAM-КЛАССИКА.

Вашему вниманию представляется книга Андрея Белого «Крещёный китаец».

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-519-72681-8

© Т8 RUGRAM, оформление, 2021
© Т8 Издательские технологии, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

КАБИНЕТИК.....	5
ПАПОЧКА.....	19
«ЭДАКОЕ ТАКОЕ СВОЕ»	33
БАБУШКА, ТЕТЕЧКА, ДЯДЕЧКА.....	51
РУЛАДА	67
МАМОЧКА	85
МИХАЙЛЫ.....	95
АГУРО-МАЗДАО.....	109
ПАПА ДОШЕЛ ДО ГВОЗДЯ.....	121
СКИФ.....	131
ПФУКИНСТВО	135
ВЕСНА.....	157
СПУТНИК	165
ОМ.....	185
КРАСНЫЙ АНИС	191

КАБИНЕТИК

У окон: — протертый, профессорский стол с очень выцветшим серо-зеленым сукном, проседающий кучками книг; здесь пузато уселась большая чернильница; падали: карандаши, карандашники, циркули, транспортиры, резиночки; лампа: зеленый металл прочернился, а абажур — лепестился; валялись листочки и письма с французскими, русскими, шведскими, американскими марками, пачки повесток, разорванных бандеролей, нераспечатанных и неразрезанных книжечек, книжек и книжищ от Ланга, Готье и других; составлялись огромные груды, грозящие частым обвалом, переносимые на пол, под стол и на окна, откуда они поднимались все выше, туша дневной свет и бросая угрюмые сумерки на пол, чтобы отдаться на полки и полочки или подпрыгнуть на шкаф, очень туго набитый коричневыми переплетами и посыпать густо сеемой пылью обои потертого шоколадного цвета и — серого папочку; в серой своей разлетайке посиживал он, скрипя стулом и уронивши в сукно вычисляющий нос, — где с надсадой выщептывал он:

— Эн, эм, эс! — принимаясь чинить карандашик; отсюда в пыли, в паутине и в листиках рассылал шепоточки и письма свои Миттах-Лефлеру, Пуанкаре или Клейну и прочим, — ожесточаясь и умоляя Дуняшу и маму оставить в покое бумаги:

— Не путайте, знаете, мне...

— Да ведь пыль, барин, — видите...

— Нет уж, оставьте: бумажечка каждая, знаете ли, — документ: переложите — ничего не найдешь...

Он отсюда вставал; и рассеянно шел коридором, столовой; и попадал он в гостиную; остановившись пред зеркалом, точно не видя себя, он стоял и вычерчивал пальцем по воздуху знаки; случайно увидев себя пред собой, он впивался в себя самого очень зверски, поставив два пальца себе под очки; и не мог оторваться, не мог оторваться от пренелепо построенной головы, полновесной, давящей и плющащей папу и созерцающей из-под стекол очков глубоко приседавшими, малыми, очень раскосыми глазками, тупо расставленным носом; он гладил тогда полнощекое это лицо полнотелой рукой; повернувшись, старался увидеть свой собственный профиль, крутой, кудробрадый, казавшийся зверским; смешной он такой: — да — домашний пиджак укорочен; кончается выше жилета; пиджак широчайше надут; панталоны оттянуты; водит плечами, переправляя подтяжки; подтянет — опустятся; в этом своем пиджаке, как в мешке, может смело возвращаться — направо, налево; и кажется косо надетым пиджак; и от этого — что-то раскосое в папочке; он закосил пиджаком; очень часто он скашивал руки; и ногу он ставил на пол тяжелее, чем следует.

Помню, бывало, — стоит он таким голованом, засунувши руку в жесткую бороду — пальцами и приподнявши на лоб жестяные очки, наклонив набок лоб со свирепую, лоб перерезавшей складкою, точно решаясь на страшное дело; рукой барабанит по двери; и — туловище перевернулося животом как-то наискось от плечей; ноги тоже поставлены косо; такой он тяжелый и грузный от этого

перемещенья осей; — он стоит: — тарарахая пальцами в дверь, свирепеет; и — шепчется, шепчется, шепчется; страшно мне, страшно: какое-то есть тут «свое».

— Ах, да что вы такое — окликнет его проходящая мама с ключами; идет она в шкаф — за корсажем, малиновым, плюшевым; и — за такою же юбкою.

Папочка тут переменится; высунет голову и поморгает на мамочку робкими глазками, будто накрыли его:

— Ах, да я-с?

— Ничего себе...

— Так-с!

Барабанит ногами себе в кабинетик, какой-то косой:

— Да, идите себе!

— Вычисляйте!

Споткнется словами, рассеянно повернув и благодушно-рассеянный, песий какой-то свой лик, и посмотрит надглазьем приподнятых стекол.

— Да я уж и так, мой Лизок... вычисляю...

А мама улыбкой укажет:

— Чудак.

И, позванивая хлопотливо ключами, идет за малиновым, плюшевым, бальным корсажем, за плюшевой юбкою; кружево — черное; нет рукавов; на груди — большой вырез; она голорукая и гологрудая, густо напудрив головку и в волосы вставив эгретку, — седая какая-то — едет плясать и кружиться в огромном гран-роне.

А папа опять припадет вычислять над давно выцветавшим серозеленым сукном, выпивая чернила чернильницы — в листиках, карандашах, карандашиках, транспортных и книжищах: развычисляется, размахается,

вскочит, забегает в паутинниках, все сотрясая; подпрыгнет он с выщептом — «Эн, эм, эс: ах!» — натолкнувшись на книжную грудку:

— Сломал: фу ты, дьявольщина!

Сосредоточенно принимается вдруг очинять карандашик, стараясь его острие превратить просто в точку: тогда наступает молчание; после опять поднимаются охи да вздохи о свойствах какого-то мира, иного, не нашего; я наблюдал, как он гулко расхаживал взад и вперед, повисая косматой своей головой как-то горько и терпко, свисая направо и глядя на ровные полки коричневых корешков исподлобья, как будто он делал им смотр; с карандашиком правую руку всегда прижимал он к груди, бросив в воздух махавшую левую руку и два оттопыривал пальца на фоне обой шоколадного цвета; и вдруг начинал он так мягко сиять добротой, когда контуры нового исчисления «эф, икс» перед ним восставали; о нем сообщали в Сорбонне; о нем математик французский Дарбу обменялся уже впечатлением с папочкой, а Чебышев— содрогался.

Я знаю, что тут развелись скорпионы — не злые, а книжные; папа мне раз показал скорпиона, перехвативши меня, проходившего мимо; прижал меня к шкафу; и, открывая огромный и пахнущий фолиант: том Лагранжа, подставил его мне под нос; показал скорпионика, очень довольный событием этим.

— Ти-ти... Ти-ти-ти!.. — приговаривал он, догоняя его на странице Лагранжа большим указательным пальцем.

— Ти-ти, — и лицо засморчилось морщинками — юмористически, чуть саркастически, но добродушно и радостно:

— Ах ты, смотри-ка: ведь ползает, ползает шельма!

И, мне подморгнувши татарскими глазками, он произнес с уважительным шопотом.

— Знаешь ли, Котенька, он поедает микробов: полезная бестия.

— Да!

Скорпиончика я рассмотрел на странице Лагранжа; он — маленький, ползает, уничтожает микробов; полезная шельма! А папа, захлопнув полезную шельму, убрал ее в шкаф; и — запахло антоновкой.

Раз в год, облакаясь в халат, подымал столбы пыли он грязною тряпкой, чихая и кашляя; тут он сносил, что не нужно, в кофейного цвета шкафы, наполнявшие и расширение коридора, пытаясь шкафами ввалиться к нам в детскую и запрудить вовсе выход: закупорить книгами нас; и порой отправлялся с Дуняшей и дворником он в кладовую, снося весь излишек скопившихся масс; но Антон, дворник наш, подобравши ключи к кладовой и вступив в соглашение с жуликом, книги вытаскивал; книгами папы еще после смерти его торговали в Москве букинисты.

— Да, да.

На шкафах поднялись многогорбые, книжные груды, завешанные зеленой материей — пыльной, как все; среди них помещалась кровать, скрипучая, с жестким матрасиком и с одеяльцем такого ж, как все, шоколадного цвета; торчали две туфли и множество серых от пыли сапог,

поражая меня рыжевато-нечищенным видом своих голенищ, — среди гирь — поднимаемых папой с натугою:

— Раз!

— Два!..

— Шестнадцать!

Шкафы умножались; а новые ставились, в грустных годах обрастая кровать, образуя средь комнаты комнату с узким проходом, куда удалялся наш папа: полеживать с книгой.

— Бывало: пойдешь и увидишь: в градации мягких тонов шоколадного, серо-кофейного, серого, серо-зеленого цвета лежит на постели с очками на лбу, закрывая глаза, уронивши на грудь утомленную руку; как-то бессильно другая рука повисает с постели; лежит посеревший и бледный, в морщинках; и кажется тут он старше, чем следует.

И думаешь:

— Папочка...

Или: — увидишь: раздетый лежит на боку, подоткнувшись, поджавши колени и вырисовываясь изогнутым телом; под одеяло ушла голова; только выставлен нос да кусок бороды; и — скажешь:

— Чай подали, папа!

Привскочит: сидит на постели, глаза кулаками усиленно трет, суетится, дрожа над очками:

— Ах, ах-с!

Да, настырная книга грозила гостиной; как будто совсем невзначай, угнетенный обвалами книг, папа выдумал выставить книжную полочку: прямо в гостиную. Ай ли, что тут было!